

Шишков: «Тако нося в груди своей дух брани и мужества, презирают они великолепные, женам приличные украшения. Не золото нужно им: железо, орудия, копья, мечи!» (VII, 131). Палицын:

Так бранный дух в груди и славу водворя,
Женам приличные отмежут украшения,
Не золото нужно им: железо на сраженья!³⁹

Шишков был лично знаком с Палицыным. Он получил от последнего и опубликовал повесть И. Ф. Богдановича «Добромысл». ⁴⁰ Покровительствовал Шишков любимому ученику Палицына Е. И. Станевичу, который был членом-сотрудником второго разряда «Беседы». Через Станевича он просит Палицына прислать что-нибудь для «Беседы». ⁴¹ Когда вышел перевод «Слова», Палицын поспешил послать Шишкову экземпляр, ибо, по всей вероятности, именно Шишкова называет Палицын покровителем в письме Д. И. Хвостову от 3 октября 1807 г.: «Много у меня и прежних работ, но они лежат и лежат и, может быть, навсегда останутся в пыли, потому что стар и болен... Игоря моего, насилу выползшего, препроводил к его покровителю. Стыдно только, что нарядили таким черным, как унылой его псвец». ⁴² Шишков, оценивший старания своего последователя, перепечатал перевод Палицына, выбросив предуведомление, стихотворные обращения и комментарии, в периодическом издании Российской Академии. ⁴³

Палицын усвоил лишь один аспект шишковского восприятия «Слова» — героическое начало и, интерпретировав его в привычных для себя представлениях, дал вариант героической поэмы классицизма на мотивы древнерусского памятника. Эту главную неудачу Палицына заметил Евгений, в письме которого к Хвостову перевод охарактеризован как «почтенный с бородою седою русский старец в нынешнем французском кафтане; читая Палицына, я только вспоминал о древности, тут вижу, с позволения сказать, передразнивание, а не переложение Игоревой песни». ⁴⁴

Письмо Евгения предвзвращает известную полемику о гекзаметрическом переводе Гомера, разгоревшуюся несколько лет спустя на страницах «Чтеций в Беседе любителей русского слова». Там Уваров настаивал на том, чтобы грека Гомера не одевали по-русски («Омер в русском зипуне столько же мне противен, как во французском кафтане»), ⁴⁵ здесь Евгений справедливо протестует против превращения древнерусского воина во французского рыцаря. Письмо Евгения Хвостов читал у себя дома в собрании литераторов 10 апреля 1808 г. Оно, таким образом, было довольно широко известно и, может быть, оказало некоторое влияние на позицию Уварова в споре о Гомере.

³⁹ Там же, стр. 6.

⁴⁰ «Она («Добромысл. Старинная повесть», — М. А.) отыскала по смерти его (Богдановича, — М. А.) и прислана ко мне от известного трудами своими в словесности господина Палицына. Он сообщил мне также и другие некоторые сего приятного стихотворца сочинения, найденные в оставшихся после него бумагах». (А. Шишков, Сочинения и переводы, 1806, стр. 73).

⁴¹ Н. Лашенков. Е. И. Станевич. — Сб. Харьковского историко-филологического общества, т. 9, Харьков, 1897, стр. 63.

⁴² Рукописный отдел ИРЛИ, ф. 322, Д. И. Хвостова, № 60, л. 273.

⁴³ Сочинения и переводы, издаваемые Российской академиею, ч. 3, СПб., 1808, стр. 81—111.

⁴⁴ Из архива Д. И. Хвостова. Публикация А. В. Западова. — Литературный архив, вып. I, М.—Л., 1938, стр. 404.

⁴⁵ С. С. Уваров. Ответ В. В. Капнисту на письмо его об экзаметре. — Чтение 17 в «Беседе любителей русского слова», СПб., 1815, стр. 61—62.